

Андрей РУМЯНЦЕВ

15 марта — день рождения великого русского писателя

Он пришёл сказать правду...

О студенческих годах Валентина Григорьевича рассказывать легче. Общежитие, где мы обитали вместе четыре года, причём год — в одной комнате, было таким общим домом, в котором ничего нельзя скрыть друг от друга. Всё на виду: и проеха на старой рубашке, и голодный блеск в глазах, и сердечное переживание. Валя был парнем сдержанным, скупым на слово в наших лёгких и весёлых разговорах, сосредоточенным на чём-то своём, что требовалось обдумать. И был он справедливым и надёжным: есть такой сорт людей, которых не повернуть к неправде лукавым доводом и не сбить с дружеской тропки чужим выгодным посулом. Позже в рассказе «Тётка Улита» Распутин приоткрыл, откуда в его характере эти чёрточки: «Одна из старух — моя бабушка, человек строгого и справедливого характера, с тем корнем сибирского нрава, который не на киселе был замешан, ещё когда переносился с русского Севера за Урал, а в местных вольных лесах и того боле покрепчал. Бабушка, обычно и ласковая, и учительная, каким-то особым нюхом чувствовала беспокойную совесть и сразу вставала на дыбы. И не приведи Господь кому-нибудь её успокаивать, это только добавляло жару, а успокаивалась она за работой и в одиночестве, сама себя натакав, что годится и что не годится для её характера».

В нашем общежитии существовала студенческая коммуна, её создали ребята и девчата с физико-математического факультета. Они умудрялись дважды в день, утром и вечером, сносно кормиться, сбрасываясь в каждый месяц по какой-то сумме из скудной стипендии. В первый же год Валя вошёл в чужую коммуналку, и это было для него благом: можно не страдать от недоедания!

А где взять деньги, чтобы на летние каникулы уехать домой, если до родной деревни плыть пароходом четыреста вёрст? Весенним днём, вернувшись после лекций в общежитие, я застал Валу лежащим на койке и глуховатым голосом распевая «Взвейтесь кострами». «Готовлю репертуар, — с усмешкой объяснил он. — Собираюсь после сессии поехать в пионерский лагерь вожатым». Получить зарплату вожатого и — домой!

Отделения журналистики в Иркутском университете ещё не было: первый выпуск состоялся в 1966 году. И как-то сложилось, что большинство парней, учившихся на филологическом отделении, мечтало связать свою жизнь с журналистикой. Тем более, что нужда в сотрудниках газет, радио и телевидения была огромной. Почти для всей Сибири их готовил только один университет — Свердловский.

В многостраничном библиографическом указателе, выпущенном в Иркутске и посвящённом жизни и творчеству писателя, перечень корреспонденций, которые Валентин Распутин опубликовал в студенческие годы, начинается с тех, что напечатала областная газета «Советская молодёжь». Первая помечена мартом 1957 года, когда автор учился на третьем курсе. За два последующих года корреспонденции студента Распутина появлялись в областной газете более двадцати раз. На пятом курсе он был приглашён в редакцию газеты «Советская молодёжь» штатным сотрудником.

Работа в этом издании, затем на студии телевидения в Иркутске, в партийной и молодёжной газетах в Красноярске была, как всегда у журналистов, хлопотной, но для Распутина — то ли в радость, то ли в тягость — дополнялась ещё и трудами начинающего прозаика. Осенью 1965-го, когда у Валентина ещё не было книжных изданий, но имелись публикации в периодике, он участвовал в известном читинском совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока. Прозу Распу-

тина тогда высоко оценил Владимир Чивилихин, руководитель одного из творческих семинаров. В начале 1966 года почти одновременно в Иркутске и Красноярске вышли в свет первые книги Распутина: сборник очерков «Костровые новые города» и повествование о людях затерянного в Саянских горах уголка земли — тофоларах «Край возле самого неба». А в следующем году — ещё один сборник «Человек с этого света» и публикация в иркутском альманахе «Ангара» повести «Деньги для Марии». В 1967-м Валентин был принят в Союз писателей СССР.

* * *

Подлинная распутинская проза началась с рассказов «Встреча», «Рудольфо», «Василий и Василиса». Вспомните рассказ «Василий и Василиса», в основу которого, по признанию его самого, он положил историю бабушки и дедушки. Разве этот рассказ вписывался в тогдашнюю литературу, прославлял советский образ жизни?

Он пришёл сказать правду извечную, выношенную поколениями... Эта правда жила в народе, но не могла широким и властным потоком пробиться в литературу. Привести её на страницы книг — на это могли решиться и старые, и молодые писатели. Но отстоять своё право на правду, не поступиться ею ни при хвале, ни при хуле могли только творцы непреклонно твёрдые. Характер Распутина, человеческого и творческого, позволял ему стоять на своём.

В повести «Деньги для Марии» тоже правдивы каждое слово и каждый звук. Уже в ней Распутин коснулся проблемы, которую нельзя было не назвать общечеловеческой. Она была важна для людей на любом континенте и в любые времена. Готовы ли мы откликнуться на чужую беду, помочь в несчастье человеку дальнему, не родному по крови и духу, но так нуждающемуся в сочувствии и братской помощи?

В «Последнем сроке» Распутин продолжил разговор, болезненный и важный не только для XX века. Если в первой из повестей речь шла о том, способны ли мы — каждый из нас — отвести беду от человека дальнего, некровного, то в новом произведении вопрос звучит жёстче: способны ли мы сохранить родство семейное, подаренное нам отчим домом?

Во время одной из наших бесед я спросил Валентина Григорьевича:

— Эти повести — своего рода художественные прозрения? Или настоящая литература и должна исследовать жизнь с заглядом вперёд?

Распутин ответил:

— Те перемены, социальные и нравственные, которые приносило время, — они невольно откладывались в сознании, в душе. Происходил поворот к индивидуализму, который никогда не был присущ русскому крестьянину и который сейчас начинает проявляться во всей своей безо-

бразной наготе. А тогда это чувствовалось лишь по сравнению с первыми послевоенными годами, когда люди в деревне жили, как одна семья, помогали друг другу переносить лихолетье.

Новая публикация Валентина Распутина в журнале «Наш современник» — повесть «Живи и помни» — появилась осенью 1974 года. Бывают в спокойной, размеренной жизни события необыкновенные, никем не ожидаемые, вроде взрыва или пожара поблизости, на глазах у всех. В привычном течении тогдашней литературы появление распутинской повести напоминало этот неожиданный взрыв. «Как, — думалось одним, — молодой, не воевавший человек осмелится писать о войне?». «За что он взялся, очертя голову? — удивлялись другие. — Рассказать о дезертире... На это даже писатели-фронтовики не отваживались».

Валентин Григорьевич объяснил:

— Понимаешь, тогда наступило время нового осмысления многого в нашей жизни. Религии, например. Да и нравственности. Герой повести — дезертир. Дезертирство приравнивалось к предательству, никаких оправданий не принималось. Я тоже не оправдываю Андрея Гуськова, но всё-таки пытаюсь понять его. Почему он, провоевав достаточно долго и хорошо, решил на дезертирство? Это привело к трагическим последствиям не только для него самого, но и для жены Настёны, для будущего их ребёнка, которого они так ждали и которым можно было как-то оправдать свой поступок. Нередко трактуют эту повесть как оправдание дезертира. Нет, это не оправдание. Кара, которая выпала на долю Гуськова, — это наказание, жестокое наказание. Страшней его не может и быть: всё, чем могла продолжаться жизнь Андрея, Настёны и их первенца, Гуськов уничтожает своим дезертирством.

И всё же едва ли кто возразит, если сказать о повести: она пронизана чувством сострадания. Чувством сострадания не только к Настёне, к отцу и матери Андрея

Гуськова, но и к нему самому. Может быть, это чувство к солдату автор испытывает потому, что за неожиданную «слабину», которую допустил Андрей, казнит себя прежде всего он сам?

Редким для тогдашней литературы оказалась и повесть «Прощание с Матёрой». Сам Распутин признался:

— То, что происходило на Ангаре во время строительства электростанций, я видел воочию, это надо было только осмыслить. Моя деревня тоже испытала переселение — трагедию, которая, в сущности, стала знаком времени. Это действительно трагедия: уходят в небгитые родные могилы, вся прежняя жизнь, не один пласт, на котором стояла деревня, а все ценности и святости, которые она нажила. Об этом надо было написать, окунувшись в гущу народной беды.

Повесть эта — о глубинной русской жизни, о том национальном характере, который сложился за века и продолжает удивлять мир. Кажется, что автор не искал для своего произведения каких-то особых героев, он просто вошёл в первый и второй, и третий дом родной деревни и рассказал о том, что увидел во время трагического разора — не случайного, не природного, а подготовленного и осуществленного людьми. Предчувствие беды, её наступление и, наконец, её последствия — это трагический фон, на котором и оказались высвечены русская душа и русский характер.

Старуха Дарья не может успокоиться после варварского разрушения кладбища. Заглянувшему к ней ровеснику Богодулу она говорит не о чём-то житейском, а о... совести.

«Раньше её видать было: то ли она есть, то ли нету. Кто с ей — совестью, кто без её — бессовестный. Теперь холера разберёт, всё сошлось в одну кучу — что одно, что другое. Поминают её без пути на каждом слове, до того христовенькую истрепали, места живого не осталось. Навроде и владеть ей неспособно. О-хо-хо! Народу стало много боле, а совесть, поди-ка, та же — вот и истончили её, уж не для себя, не для спросу, хватило б для показу. Али сильно большие дела творят, про маленькие забыли, а при больших-то делах совесть, однако, что железная, ничем её не укусишь. А наша совесть постарела, старуха стала, никто на неё не смотрит. Ой, Господи! Чё про совесть, ежели этакое творится!».

И Дарья, и её подруги, старухи Настасья и Катерина, оценивают любое событие последних дней и часов перед затоплением деревни, даже свои воспоминания сквозь призму укоровившихся в их жизни понятий, нравственных правил. И всякий раз оказывается, что эти понятия и правила есть главные заповеди, на которых держалась народная жизнь.

В повести «Пожар» есть одно примечательное место. Герой её, Иван Петрович, пересматривает свою жизнь. «Когда нужно было говорить правду, он говорил; когда требовалось дело — делал. Да он только и делал, что не сворачивал с правды и дела. Правда — это река, ложе которой выстелено твёрдым камнем и берега которой в песчаной и каменной линиях, река с чистой и устремлённой вперёд водой, а не подпёртая масса с гуляющим уровнем гниющей жидкости, с хлябками и подмытыми берегами. Правда проистекает из самой природы, ни общим мнением, ни указом поправить её нельзя...».

В случае с Валентином Распутиным правда проистекала из самой его природы, и никогда, ни в общественных, ни в житейских поступках, он «не сворачивал с правды и дела».